

УДК 821.133.1

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-143-152

«ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ» ЖОРЖ САНД: ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА И ПОЭТИКА

О. Б. Кафанова

Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова,
Санкт-Петербург

Впервые в отечественном литературоведении рассматривается жанровая специфика и поэтика монументальной автобиографии Жорж Санд. Прослеживается история создания и публикации произведения (1847–1855). Дается представление о поэтике повествования французской писательницы, которая умело пользуется приемами ораторского искусства, в том числе приемом амплификации, резко способствующим повышению восприятия.

Анализируется своеобразие женских мемуаров, в которых последовательно дается развитие главной героини в детстве, отрочестве, юности и зрелости. Описано своеобразие композиции, в которой почти четверть текста посвящена предкам, в том числе родителям, с которыми характер Жорж Санд генетически связан. Выявляются главные особенности авторской позиции: героиня мемуаров является представительницей своего поколения, с которым она связана узами солидарности. Вместе с тем она дитя революционной эпохи, в которой мог состояться брак между аристократом и простолюдинкой.

Прослеживается история внутренней жизни, «жизни души» главной героини, которая состоит в процессе поиска истины во всех сферах жизни: настоящей дружбы, истинной любви, религиозной и политической идеи, нравственных и эстетических ценностей, смысла жизни в целом. Окончательное обретение своего я происходит в литературном творчестве.

Ключевые слова: автобиография, мемуары женщины, автобиография поколения, идея солидарности, приемы ораторского искусства, артистка.

«История моей жизни» Жорж Санд относится к одному из четырех знаменитых французских автобиографических текстов, среди которых «Исповедь» Руссо, «Замогильные записки» Шатобриана и «Жизнь Анри Брюлара» Стендаля. В России монументальное сочинение Жорж Санд (2 000 страниц) никогда полностью не переводилось, поэтому и не было предметом литературоведческого анализа. В 1850-е гг. первые книги «Истории моей жизни» появились в достаточно вольном переводе-пересказе Н. Г. Чернышевского, а совсем небольшие фрагменты представила в своем переводе Евгения Тур (Салиас де Турнемир). В настоящее время издательство «Ладомир» готовит автобиографию Жорж Санд к публикации в двух томах в серии «Литературные памятники». Таким образом, актуальность и новизна предлагаемой статьи заключаются во впервые предприняемом в отечественном литературоведении анализе этого выдающегося произведения французской литературы.

История публикации автобиографии (1847–1855)

Жорж Санд начала работать над своим автобиографическим сочинением в 1847 г., когда ей исполнилось 43 года. К тому времени ее произведения получили большую известность во многих европейских странах, среди которых России принадлежала исключительная роль [1]. Принимаясь за «Историю» своей жизни, писательница намеревалась изменить тот образ Жорж Санд, который сложился у

публики и в котором сочетались приметы внешнего облика, эпатазирующего традиционную мораль (женщина, курящая трубку и носящая мужскую одежду, разъехавшаяся со своим мужем). Потребность написать автобиографию Жорж Санд ощущала достаточно давно, в письмах к разным корреспондентам она не раз упоминала о желании написать о себе. Писательница вынашивала план написать свою автобиографию почти 20 лет. Она сообщила своей подруге Лоре Десерфц (Decerfz) 1 апреля 1833 г.: «После моей смерти, дорогое дитя, ты прочтешь рассказ о моей внутренней и тайной жизни. Я оставляю его для небольшого круга публики, которая интересуется моими мыслями, и ты узнаешь, что я выстрадала с тех пор, как существую» (перевод мой. – О. К.) [2, т. II, с. 288].

К середине 1840-х гг. творчество Жорж Санд достигло своей кульминации, ее романы переводились и переиздавались по всей Европе; некоторые поклонники (безвестные и знаменитые) отправлялись к ней с визитом в ее имение Ноан или навещали ее в Париже. Интерес к личности прославленной писательницы и женщины был столь велик, что издание ее автобиографического труда представляло несомненный коммерческий интерес. К середине XIX в., когда издатели поняли, что производство и распространение книг является своего рода рынком, на котором циркулируют достаточно крупные суммы денег, знаменитый писатель должен был уметь выгодно заключить контракт.

При заключении контракта на издание «Истории» консультантом Жорж Санд был ее друг, издатель Пьер-Жюль Этцель. Не имея собственных средств для осуществления подобного грандиозного издательского проекта, он помог ей заключить договор с крупным промышленником Шарлем Делатушем. 21 декабря 1847 г. он был подписан: Ж. Санд уступала ему еще не написанное произведение за 130 тыс. франков. На следующий день, 22 декабря 1847 г. в письме к своей приятельнице, г-же Марлиани, она рассказала о принципах, которыми сама она будет руководствоваться в автобиографическом сочинении: «Это будет история моей жизни (но не исповедь)». Санд дистанцировалась от Руссо, считая, что, оправдывая себя, автор вынужден обвинять других. «Таким образом, я никому не причиню зла и не доставлю огорчения» (перевод мой. – О. К.) [2, т. VIII, с. 206–207].

Примерно в это время и в том же тоне Жорж Санд объясняет свой замысел Шарлю Понси, пролетарскому поэту, которого она поддерживала: «Я начала работать над произведением, рассчитанным на годы, называемым „История моей жизни“. Это ряд воспоминаний, верований, размышлений, изложенных в форме, которая будет отличаться некоей поэтичностью и большой простотой. Я не буду раскрывать всей своей жизни. Я не люблю высокомерия и цинизма исповедей... я не хочу никого обвинять или огорчать. Для меня это отвратительно и больше причинит зла мне, чем моим жертвам. Таким образом, я верю, что напишу книгу полезную, не содержащую угроз и скандалов, тщеславия и низостей, и я с удовольствием над ней работаю» (перевод мой. – О. К.) [2, т. VIII, с. 188–189].

На протяжении осени 1847 г. Жорж Санд погружается в изучение семейных архивов в Ноане. После нравственных потрясений 1847 г. работа становится для нее действенным и живительным лекарством, радость творчества возвращает ей силы. Жорж Санд скрупулезно восстанавливает историю жизни своего отца, выясняет факты, упоминаемые в его письмах. Она обращается за разъяснениями к друзьям детства Мориса Дюпена, кузенам Вильнёв, генералу Эксельмансу, историку Минье, военному министру и многим другим. Она вкладывает истинную страсть дочери и романистки, восстанавливая историю и обстоятельства жизни своего так рано ушедшего отца. Именно воспоминания об отце, его образ, воссоздаваемый на страницах «Истории моей жизни», способствуют формированию республиканского чувства ее автора [3]. Жорж Санд напряженно работает вплоть до конца февраля, но революция, начавшаяся в Париже 24 февраля 1848 г., заставляет ее прервать свой труд.

Отречение Луи-Филиппа, провозглашение республики исполняют ее энтузиазмом, она от-

правляется в Париж и с 1 марта на протяжении трех месяцев является «музой революции», составляя официальные «Бюллетени республики», выражающие волю, «голос» Временного правительства и полемизирующие с противниками разных направлений. Один из известных деятелей эпохи, Токвиль, отозвался о Жорж Санд иронично, назвав ее «своего рода политиком-мужчиной» [4, с. 211]. Но для Санд, как и для тех, кто разделял ее энтузиазм весной 1848 г., этот порыв вскоре иссяк, и революционный идеал потерпел крах. Не дожидаясь последнего удара в конце июня, когда республиканская буржуазия, соединившись с национальной элитой, подавила парижских рабочих, жаждущих социальной революции, она, совершенно разочарованная, возвращается в Ноан и возобновляет свою работу над мемуарами. В результате участия в революции идеи самого автора претерпели эволюцию. «Бог знает, сохраню ли я ту же наивную веру, тот же доверчивый пыл», – замечала Жорж Санд, возвращаясь к своему повествованию 1 июня 1848 г. (перевод мой. – О. К.) [5, с. 465].

Возобновленное повествование запечатлело ее драматическое восприятие революционных событий. Одновременно с «Историей» Жорж Санд начала работать над циклом своих знаменитых «сельских романов». Но, занимаясь параллельно художественными произведениями разных жанров, Санд не прерывала работы над своей автобиографией. Она регулярно редактировала, исправляла и дополняла свой текст. Развязка процесса создания «Истории» наступила в 1854 г. В августе Ш. Делатуш отказался от взятой на себя ответственности за публикацию произведения Санд; он продал свои права Эмилю де Жирардену, владельцу газеты *La Presse*. Жирарден решил опубликовать произведение в фельетонах. Расчет издателя был безошибочно сделан на интерес публики не только к прославленной писательнице, но очень яркой и необычной для XIX в. личности женщины. Объявления и анонсы заполнили многие номера, иногда занимая целые страницы газеты:

«*Пресса* только что приобрела исключительное право на публикацию в фельетонах *Мемуаров* госпожи Жорж Санд».

«Эти *Мемуары*, которые куплены в 1846 г. (sic!) за сумму, превышающую сто тысяч франков, составляют пять томов...»

«*Пресса* начинает эту важную публикацию в среду 4 октября».

«Вы увидите то, что Вы увидите! Цена, которую мы заплатили, является для вас гарантией важности спектакля» (перевод мой. – О. К.) [6, с. XX].

Начиная со 2 сентября 1854 г. цена покупки произведения печаталась крупными заглавными

буквами: «СТО ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ ФРАНКОВ», и так из номера в номер, вплоть до 5 октября, когда появился первый фельетон. Публикация мемуаров Санд растянулась на 18 номеров, с 5 октября 1854 г. до 17 августа 1855 г. Первое отдельное издание осуществлялось по мере появления произведения в газете, в 1854–1855 гг.; второе издание вышло в 1855–1856 гг.

Длинная издательская история обусловила долгий период создания произведения: семь лет. Для Жорж Санд такой способ работы был чем-то особенным: она привыкла к постоянной срочной работе. В ее жизни за этот период произошло столько событий семейного, общественно-политического, наконец, профессионального литературного характера, что они решительно повлияли на ее миропонимание в целом. В семейных отношениях наступает настоящий кризис: фактически полный разрыв отношений с дочерью, расставание с Шопеном и скорая его смерть после отъезда из Ноана, рождение, а затем смерть в возрасте пяти лет внучки Нини, к которой Жорж Санд страстно привязалась.

Наряду с драматическими и даже трагическими семейными происшествиями писательница испытала глубокие политические переживания в связи с крахом революции 1848 г., в которых энтузиазм и надежды сменились утратой иллюзий. Наконец, в области литературы характер новизны имело знакомство Санд с «Замогильными записками» Шатобриана, которое отразилось на редактировании ее автобиографии.

За время работы над «Историей» Жорж Санд пережила ощутимую внутреннюю эволюцию и меняла, если можно так выразиться, свой имидж. В 1840-х гг. ее имя еще было связано со скандалами, спровоцированными как ее любовными связями, так и политической активностью [7]. А в 1850-х гг. окончательно формируется ее образ «доброй дамы из Ноана». И автобиография запечатлевает эти две ипостаси автора, а переход из одной в другую является как бы имплицитной историей книги.

Зарубежные исследователи подмечают немало перекличек между «Историей моей жизни» и «Замогильными записками». Вслед за Шатобрианом Ж. Санд отводит большое место в IV части своих «Мемуаров» великим фигурам своего времени. Шатобриан ввел отдельные заметки в форме похвалы Каррелю, Беранже и «Госпоже Санд», после того как посвятил всю книгу Наполеону, своему эпическому *alter ego*. Так же как и ее предшественник, Ж. Санд, по выражению французского исследователя Жозе-Луи Диаза, выводит «на расширенную автобиографическую сцену, ставшую фреской», «все избранное духовное братство». Она дает яркие портреты великой актрисы Мари Дор-

валь, знаменитого художника Эжена Делакруа, писателей и критиков, своих современников – Бальзака, Латуша, Планша, Мюссе и многих других [8, с. 367]. Замечательные актеры и актрисы, певцы и певицы, живописцы, писатели, критики, общественные деятели, философы и адвокаты появляются, идут рядом и исчезают. Изображенные как «существа поэтические», как легендарные художники, они своей жизнью и творчеством способствуют поэтизации собственной фигуры Ж. Санд.

Особенно важен тот факт, что автор и одновременно главный персонаж «Истории» – женщина. В отличие от большинства своих сочинений и предисловий к ним, включая «Письма путешественника» (*Lettres d'un voyageur*, 1837), где она скрывала свое я, ведя повествование от лица мужчины, в мемуарах Ж. Санд впервые предстает в своей женской ипостаси. В своем грандиозном произведении она, по выражению венгерской исследовательницы Анны Сзабо, прерывает долгую «немоту» женщин; «она защищает частную жизнь в целом и одновременно право женщин на частную жизнь» (перевод мой. – О. К.) [9, с. 83].

Автобиография поколения

Как и Шатобриан, Жорж Санд утверждала, что не следует образцу Руссо, но это не означало, что она полностью отказалась от предложенной им модели. Влияние «Исповеди» и «Эмиля» особенно ощутимо в способе рассказывать о детстве. В манере Руссо выдержаны и высказывания о связи ее интимного повествования с типичной историей любого человека. «Я рассказываю здесь интимную историю. Человечество имеет свою интимную историю в каждом человеке» (перевод мой. – О. К.) [5, с. 308]. В этом смысле «История моей жизни» могла бы быть историей жизни всех: индивидуальная судьба, как и коллективная жизнь, принадлежит истории. «Все есть история», – заключает Санд (перевод мой. – О. К.) [5, с. 78]. Это позволило современной французской исследовательнице Ш. Планте оценить автобиографию Санд как «автобиографию всех людей» (перевод мой. – О. К.) [10, с. 295]. Жорж Санд-автобиограф получает исторический урок: человечество, интимную историю которого она воссоздает через свой личный случай, не может быть вневременной категорией; это совокупность ее современников первой половины XIX в., это ее поколение.

«Я полагаю, что моя духовная история является духовной историей поколения, к которому я принадлежу» (перевод мой. – О. К.) [5, с. 808]. Повествовательница берет на себя одновременно две роли. Она является выразительницей своего поколения и его героиней одновременно. С одной стороны, в тексте «я» охотно уступает место «мы», которое отвечает за коллективную судьбу тех, кто пережил

подобную историю и одновременно ее читает. «Мой читатель должен заметить, что я более забочусь о том, чтобы показать и прокомментировать для него его собственное существование, существование всех нас, чем интересуюсь своей жизнью», – заявляет она (перевод мой. – О. К.) [5, с. 808].

Французские исследователи подметили еще одно важное обстоятельство: Ж. Санд, фактически принадлежа к одному с А. де Мюссе поколению, не была столь сильно затронута «болезнью века», потому что чувство «необъяснимого беспокойства», охватившего всех молодых людей после 1815 г., было свойственно в основном мужчинам [3, с. 114].

Идея солидарности в тексте «Истории»

Одной из примечательных особенностей автобиографии Санд является манера автора обращаться и разговаривать с читателем. Главным словом, которое оживляет связь между повествовательницей и реципиентом, является солидарность: «все существования солидарны между собой» (перевод мой. – О. К.) [5, с. 307]. И именно в этом основа их нравственного достоинства. Идея Ж. Санд состоит в том, что для создания интимной истории человечества каждый должен привнести свой камень, свой вклад. Санд как автор «Истории» поднимает голос, бросает клич: «Ремесленники, которые начинают все понимать, крестьяне, которые начинают учиться писать... старайтесь избежать забвения... Пишите свою историю все вы, которые поняли свою жизнь и заглянули в свое сердце. Я пишу свою историю только ради этих целей» [5, с. 28–29]. Между «моим», «твоим», «его» стираются границы. Ж. Санд сначала утверждает сентенцию: «Жизнь друга – это наша жизнь» [5, с. 10], чтобы закончить еще более впечатляющей аксиомой: «Слушайте: моя жизнь – это ваша жизнь» (перевод мой. – О. К.) [5, с. 27].

Таким образом, автобиографическое слово Ж. Санд очень социализировано, оно обращено к слуху читателя, способного воспринимать его с сочувствием. Взятая в целом, автобиография предстает как речь, адресованная к читателю. Автор стремится через рассказ о своей жизни сказать о том, что касается всех современников. Начиная свою «Историю», писательница находилась в том периоде, который во французском литературоведении идентифицируется с расцветом романтизма: речь идет о 1830–1840-х гг. Это момент, когда начинается утрата иллюзий в связи с революцией 1848 г., когда литература становится доминирующей духовной силой. Писатели выражаются от имени провидения, присваивая себе высокие черты Поэта, того «искателя, выразителя и предводителя», который находится «в центре мира духа» [11]. Изобретая для «Истории» язык солидарности,

Ж. Санд с уверенностью берет на себя подобную роль: она несет миссию.

Авторитет автора, мастера вербального слова, обеспечивает мощное впечатление от книги. Ж. Санд умело пользуется сильными ораторскими приемами: повествование продуцирует рассказ, часто превращающийся в речь, выявляющей явные приметы ораторского искусства. Вслед за Монтенем («Опыты») она использует в качестве одного из средств усиления поэтической выразительности речи прием амплификации, резко способствующий повышению восприятия. Повествование словно скользит в непрерывном, но одновременно контролируемом движении. От описания недостаточного материального достатка молодой женщины, прибывшей в Париж, оно переходит к необходимости одеваться в мужской костюм; от костюма – к анекдотам, из него вытекающим, среди которых и встреча со старым господином Роллина; от этого последнего – к воспоминанию о его сыне, Франсуа, верном друге Ж. Санд. Вслед за этим следует размышление о дружбе и условиях ее осуществления между мужчиной и женщиной; отсюда, наконец, происходит переход к концу главы, посвященной любви. Возможно, нежелание заводить разговор об этом чувстве, требующий интимных признаний, и объясняет раздувание описаний, ему предшествующих в конце IV части. И этот уход в отступление становится своеобразным бегством от тем, табуированных рассказчицей: описание материальных условий независимого образа жизни героини в литературном Париже временно заполняет лакуны, возникающие из-за умолчания вопроса о ее возлюбленных.

Компетентность автора «Истории», кажется, не знает границ: ничто от нее не ускользает, в особенности вопросы морали и политики. А постоянный переход от особенного (рассказ) к общему (речь) свидетельствует о желании Ж. Санд удовлетворить потребность в морализаторстве и рассуждениях на темы политики.

Политическая история

«История моей жизни» рассказывает об определенной эпохе – эпохе рубежа XVIII–XIX вв., первой половине XIX в., – которая, казалось бы, еще не вышла из состояния переходности. Революционные принципы уничтожили основы прошлого режима, не сумев при этом создать структуры, способные существовать длительное время (как в политике, так и в социальной сфере, включая также моральные ценности). Ж. Санд отдавала себе отчет в сложности времени, в которое она жила и о котором она пыталась рассказать. Автобиография не рассказывает о событиях 1848 г., слишком болезненных для Ж. Санд и деликатных для изложения в годы репрессий, продолжавшихся еще и в 1854 г.

Тем не менее мощное влияние революционных потрясений пронизывает все повествование.

Несмотря на то что сочинение Жорж Санд могло разочаровать читателей отсутствием в нем скандальных разоблачений интимного порядка, оно имело большой успех. Однако это не помешало и появлению критики на него. Самой яркой приметой «Истории» являлось то, что нужно было прочесть более 20 глав, чтобы наконец найти рассказ о рождении автора и еще несколько, чтобы повествование начало опираться на личные воспоминания. Один из остроумных критиков, Арман де Понмартен, резюмируя преобладающее мнение читателей газеты *La Presse*, заметил, что более подходящим названием для труда Жорж Санд было бы «История моей жизни до моего рождения» (перевод мой. – О. К.) [12, с. 360].

Первую четверть своего труда Ж. Санд употребила для знакомства читателей со своими предками, в особенности с жизнью своей бабушки (по отцовской линии), своей матери, и детального описания короткого жизненного пути отца, погибшего, когда ей было всего четыре года. Самым заметным текстовым фактом, отразившимся в композиции, является массивное включение писем, которые ее отец, проживший немногим более тридцати лет, писал своей матери. Вместе с пояснениями, которыми они сопровождаются, эти письма занимают полтора десятка глав. Критика воспринимала подобную композицию как явный недостаток. Опережая Э. Золя, Жорж Санд заявила, что придает большое значение наследственности (хотя и не в ее «абсолютной фатальности») и поэтому не может описать и объяснить свою жизнь, не поняв жизни своих родителей.

Через раскрытие биографии отца автобиография Ж. Санд выходит к описанию множества других историй: помимо семейного круга она рисует обширную историческую картину. «Дитя века», она оживляет в книге светские и литературные общения XVIII в. (жизнь бабушки), поля битв времен Людовика XV (жизнь прадеда маршала Мориса Саксонского), жизнь простого народа в Париже во время революции (жизнь матери) и в особенности образ жизни военных в армиях республики, а затем империи (жизнь отца). Таким образом, эта семейная история превращается в историю нации. Когда рождается маленькая Аврора Дюпен, в 1804 г., ее вхождение в семью одновременно является вступлением на национальную сцену.

Получившая значимое имя Аврора, девочка была плодом революционного брака, который не мог состояться на 20 лет раньше или на несколько лет позже: на полях наполеоновских сражений в Италии встретились Морис Дюпен и София Дела-

борд. Он – молодой офицер, выходец из блестящего, хотя и маргинального круга аристократии XVIII в. Его дед – знаменитый маршал Морис Саксонский, незаконнорожденный сын польского короля, считался первым полководцем своего века.

Она – содержанка, следовавшая за армией в качестве любовницы одного генерала, происходила из мелкой городской буржуазии. Ее предки очень скромные лавочники – люди, которые не знают своей родословной, не имеют семейных архивов, не пишут дневников или мемуарных записок. Вполне понятно, что София Делаборд пыталась выбраться из нищеты революционных лет с помощью своей женской привлекательности.

Это контрастное социальное происхождение станет одной из главных тем «Истории», используемой как в нравственных, так и в политических целях. После преждевременной смерти своего отца девочка стала игрушкой непрекращающейся и непримиримой враждебности (нравственной и социальной) между бабушкой и матерью. Постоянно одна из женщин требовала, чтобы Аврора забыла другую; малейшая бытовая деталь (игры, хорошие манеры, туалеты) заставляла ее почувствовать себя яблоком раздора. Даже в 1847 г., когда Ж. Санд начала свою работу над мемуарами, она должна была бороться против социального давления. С самой первой страницы автобиографии она выступает против тех ее биографов, которые, стремясь ей польстить, приписывали ей аристократические титулы, которых она не имела, и придавали значение только ее происхождению по отцовской линии. Ж. Санд считала своим долгом восстановить справедливость и публично исправить ложные утверждения. В письме к Шарлю Понси она поясняла: «Мой отец познакомился с ней, когда ей было уже 30 лет, и среди каких заблуждений! У него было большое сердце; он понял, что это красивое создание может еще любить, и он женился на ней вопреки несогласию и почти под проклятия своей семьи. На протяжении долгого времени бедствуя с ней, он любил ее настолько, что принял ее детей, рожденных до него. <...> я никогда не забуду, что в моих венах текла плебейская кровь...» (перевод мой. – О. К.) [2, т. VI, с. 327–328].

Другая мишень критики касалась репрезентации в «Истории» Софии Делаборд. Далеко небезгрешное прошлое матери действительно поставило Санд в сложную ситуацию. Если бы она рассказала всю правду, получилась бы история падшей женщины; если бы она ее скрыла, ее бы обвинили во лжи, потому что невозможно уничтожить все документы. Поставленная перед этой дилеммой, писательница выбрала, возможно, наиболее верный путь: она постаралась оправдать все грехи матери нищетой и потрясениями революционной

эпохи (что было правдой), а затем в романтическом духе рассказала о перерождении грешницы под влиянием любви.

Наконец, можно упрекнуть Жорж Санд в несоблюдении принципа историзма, который она сама провозгласила. «История пользуется всем, заметкой торговца, поваренной книгой, счетом прачки», – заявляет она (перевод мой. – О. К.) [5, с. 79]. Ее мнение совпадает с убеждением историков XX в., в трудах которых содержатся аналогичные формулы. Но, как выяснил тщательно готовивший, проверяющий и сверяющий тексты Жорж Любен, Ж. Санд, к сожалению, сама нарушает этот принцип. Фантазии и стереотипы романистки иногда одерживают в ней верх над стремлением к объективности, и она переделывает, дописывает и переписывает письма своего отца, бережно хранимые ее бабушкой, чтобы придать им литературный вид. Дочь во многом приукрашивает портрет отца. Она изображает его приятным молодым офицером, беззаботным, остроумным, храбрым, музыкальным, немного фривольным. В своих подлинных письмах, как утверждает Любен, скрупулезно сопоставлявший тексты Жорж Санд с подлинниками, он предстает не столь привлекательным человеком. Это не только легкомысленный и расточительный, но и не слишком совестливый юноша, который может забыть о долге или уехать, не расплатившись по счетам [6, с. XXIV].

Все это неизбежно приводит к вопросу – до какой степени Жорж Санд была искренней в «Истории моей жизни»? На него непросто ответить. Повидимому, невозможно себе представить мемуары без искажений фактов, сознательных или бессознательных, сделанных по причине забывчивости, отсутствия документов, свидетельств и т. д. В этом плане гораздо более достоверными свидетельствами являются дневники, содержащие ежедневные записи, которые запечатлевают ощущения и размышления в час их проживания, а также письма, которые тотчас отправляются по назначению. Авторы мемуаров или исповеди, даже если они стремятся обвинить себя, располагают факты таким образом, чтобы иметь возможность оправдаться или, по крайней мере, объяснить. Течение времени влечет за собой также невольную фальсификацию фактов. Например, сомнительными представляются беседы по социальным вопросам, которые вела шестнадцатилетняя Аврора со своим наставником Дешартром. Сорокалетняя Жорж Санд, прошедшая «школу» христианского социализма Пьера Леру, подчас подменяет взгляды девочки своими собственными. И это происходит, безусловно, непреднамеренно.

Однако такой строгий блюститель объективности и правды факта, как Ипполит Тэн, по-видимо-

му, не случайно считал мемуары Ж. Санд значительно более правдивыми, чем «Замогильные записки» Шатобриана [13, с. 128]. Флобер сообщает в 1868 г. о «неистовом восхищении» «Историей моей жизни» еще двух страстных поборников позитивизма и принципа объективности в искусстве – братьев Гонкур [14, с. 149]. И эти свидетельства самых строгих ревнителей фактографии из современников Ж. Санд могут вполне служить ее реабилитацией, несмотря на все возможные допущенные неточности.

«Внутренняя жизнь, жизнь души»

Нельзя не заметить, что «История моей жизни» строится по кольцевой композиции: первая глава начинается с изложения плана «рассказать о своей внутренней жизни, жизни души», в седьмой главе пятой части словно эхом отзывается утверждение «Это есть история моей жизни, моя настоящая история. Все остальное было только случайностью или видимостью» (перевод мой. – О. К.) [16, с. 303]. Что же является «этим», содержащим основное, главное? Если усмотреть в повествовании модель внутреннего маршрута, по которому двигалась главная героиня, то самым важным, безусловно, будет процесс поиска: поиска истины во всех сферах жизни: настоящей дружбы, истинной любви, религиозной и политической идеи, нравственных и эстетических ценностей, смысла жизни в целом. При этом для Ж. Санд в каком-то смысле актуальна мысль Гёте, высказанная в «Фаусте», о том, что сам процесс поиска важнее в конечном итоге результата.

Отсюда вытекают самые поразительные особенности композиции – деление повествования на пять больших разделов, которые рассказывают о пяти этапах развития рода, к которому принадлежит Ж. Санд. Самоопределение, или идентичность героини, происходит под влиянием трех факторов: «наследственного, исторического и антропологического» (перевод мой. – О. К.) [10, с. 296].

После колоссального обилия материалов, касающихся ее отца, Санд отводит очень важное место описанию своего детства и отрочества. Слово *adolescence* (отрочество), которое автор действительно употребляет в повествовании, было редким в литературном употреблении в середине XIX в., тем более по отношению к девочкам. В изображении Ж. Санд первые годы ее жизни восстанавливаются со всей точностью, закрепленной в образах и ощущениях. Это новый во французской литературной традиции взгляд ребенка, подростка, который испытывает мир, проверяет его. Вначале она запечатлевает очень хрупкий взгляд четырехлетнего ребенка, запомнившего такие грандиозные события, как оккупация Испании французскими войсками или феномен Наполеона. Можно говорить о том, что

текст образует своего рода топику детства, и точнее, топику детства девочки, что выражается в специфике игр, привязанности к куклам, увлечении переодеваниями, интересе к волшебным сказкам...

Передавая состояние своего внутреннего мира в подростковом возрасте, Ж. Санд приводит замечательные свидетельства рано проявившегося воображения, фантазии – способностей, предсказывающих ее последующую судьбу романистки. Так, она рассказывает о своем детском беспокойстве по поводу Наполеона, отправившегося в военный поход и «пропавшего» без вести (несколько недель газеты не давали о нем никакой информации), воспроизводя поэтический и метафорический сон, в котором она летит с помощью выросших у нее крыльев в далекую страну, находит и спасает заблудившуюся в снегах России армию «своего» императора.

Обретение себя начинается именно в подростковом возрасте. Поначалу это период раздумий и медитаций, которым благоприятствовало пребывание в монастыре английских августинков. Другим фактором, способствовавшим пробуждению самосознания, была болезнь бабушки, заставившая Аврору задуматься одновременно о смерти и жизни. Следующий благоприятный период возникает в промежутке между смертью бабушки и замужеством. Этот короткий промежуток времени оказывается достаточным, чтобы выйти из возраста постоянных влияний и ощутить свое я. Но генезис не завершается в подростковом возрасте: впереди будет материнство, литературная школа в Париже, кризис отчаяния в Венеции и много других событий, явившихся стимулом к развитию ее идентичности. В этом долгом становлении именно «отрочество стало основным периодом»; Ж. Санд удалось одной из первых запечатлеть в литературе «поэзию» и «онтологическое превосходство этого благословенного возраста» и свойственные ему «бесконечные резервы нравственной доброты» (перевод мой. – О. К.) [15].

Непрерывный поиск внутренней правды заставляет героиню «Истории» пройти через обретение своей женской идентичности. «Письма путешественника» 1837 г. еще написаны от лица мужского я. В своей автобиографии Ж. Санд вспоминает об этом и признается, что тогда она не ставила перед собой задачу изображения себя как «реального персонажа», а стремилась только запечатлеть «персонаж думающий и анализирующий» [16, с. 299]. Конечно, это объяснение не вполне удовлетворительно, поскольку сейчас известно, что женщина и думает иначе, чем мужчина. Просто молодая женщина-автор тогда не могла решиться обозначить свое я, которое в романном творчестве скрывалось в безличном повествовании, эпистолярной форме

или в рассказе от лица героя. «История моей жизни» демонстрирует, как идентичность героини проблематизируется и бесконечно заостряется, то есть теперь феминность литературно определяется и закрепляется.

Поначалу описывается исключительно женское пространство, в котором Аврора чувствует себя почти отчужденно, особенно во время распрей между бабушкой и матерью. Затем она открывает для себя возможность диалога и обмена мыслями «на равных» с мужчинами. Вначале это беседа с ее наставником Дешартром, смущенным, однако, полом своей ученицы, затем – литературное соперничество с мужчинами в Латинском квартале в начале 1830-х гг. Писательница увлекает читателя в такую область, которую не знал ни один литератор-мужчина до нее, включая Бальзака. Например, она исследует изнутри преемственную связь дочери-матери и потомственных представительниц женского рода; воскрешает в памяти жизнь в монастыре, которая, в отличие от изображения Д. Дидро, имеет и привлекательные поэтические стороны, способствуя обретению подруг; наконец, выявляет стеснение от попечительства прислуги в своем домашнем деревенском одиночестве.

Мир во многих областях предстает в «Истории моей жизни» поляризованным на бинарные группы, но Ж. Санд ненадолго сохраняет эту бинарность. Понимая сложность многих явлений, она достаточно тонко сглаживает остроту противоречий при их изображении. С этой целью она прибегает к удивительной изобретательности при характеристике некоторых персонажей. Можно восхищаться тактом Ж. Санд, рассказывающей о бабушке и матери через восприятие маленькой Авроры, общающейся с двумя любимыми ею женщинами. Все подвижно, сложно, прекрасно и лишено однозначности. Ж. Санд сознательно избегает выносить окончательный приговор тому или иному человеку, характеры в ее изображении предстают амбивалентными, в зависимости от того, какие их черты (нравственные, эмоциональные, социальные, идеологические) преобладают в момент описания. Например, Роза, служанка, бьющая ребенка, не перестает из-за этого быть доброй женщиной в ее описании. И таких примеров можно привести много.

Из-за пребывания среди столь сложных фигур героиня, становящаяся точкой пересечения противоречивых влияний, сама рискует потерять свою целостность. Ситуация автора (Жорж) удалена от ситуации героини (Авроры) из-за длительности прошедших лет (Ж. Санд в момент окончания произведения пятьдесят лет). Вместе с тем многие из друзей и близких людей исчезли, и причиной их исчезновения из книги не всегда была их смерть.

В некоторых случаях они просто не хотели поддерживать отношения с женщиной-автором, чье творчество и личность часто провоцировали скандалы.

Однако в этом непрерывном поиске себя и своего предназначения у Ж. Санд было то место, которое можно обозначить как оплот стабильности. Это ее родовое имение Ноан, в котором прошли ее детство и юность, которое она на время утратила в период судебного процесса с мужем, но затем себе вернула. Наверное, творчество Ж. Санд имело бы иное развитие, если бы у нее не было этой родной земли Берри, непритязательную красоту и поэзию которой она впервые после экзотики романтических пейзажей воспела в своих «деревенских» повестях и романах. Это родовое гнездо давало ей силы, успокаивало и подпитывало, служило источником вдохновения. И постепенно на фоне исчезновения многих друзей и близких, изменения обстоятельств, апробации разных ролей в поисках своего призвания Ноан становится символом надежды, куда героиня неизменно возвращается и где «залечивает раны». В автобиографии Ноан, по сути, возводится в ранг архетипа дома писателя.

Становление художника

Трудность и сложность жизни Ж. Санд не обусловлены многочисленными интригами или внешними обстоятельствами сентиментального или романтического свойства, но являются следствием постоянного внутреннего требовательного поиска себя, наталкивающегося на препятствия. Окончательное обретение своего я происходит в литературном творчестве. Для определения своей сущности Ж. Санд отыскивает обобщающее обозначение: *artiste* (артист, художник). Аврора становится Жоржем в начале 1830-х гг.; в этот период Франция переживает расцвет романтизма – время мистификации и прославления фигуры художника. Свое решение отказаться от супружеской жизни в Ноане ради попытки независимого существования в литературном Париже Ж. Санд объясняет проявлением своей природы: «...помимо своей воли я чувствовала себя артисткой...» (перевод мой. – О. К.) [16, с. 105].

Рассказ подкрепляет эту интуицию, вызывая в памяти открытие других искусств в первые месяцы парижской жизни: живописи и скульптуры в Лувре, музыки в Опере. Испытывая восхищение перед произведениями великих мастеров, героиня находит в этом подтверждение своего призвания: да, она артистка. Но если автор мемуаров в 1847 г. не испытывает никаких сомнений по этому поводу, то героиня в период между 1810 и 1820 гг. должна была долго блуждать в обретении своей идентичности (моральной, духовной, эстетической, социальной) артистки и распознать ее как свою. В автобиографии уже с первых страниц эта интимная

тема обретения своего я задана как главная. Неожиданно размышление о птицах приводит Ж. Санд к заключению о родстве с ними художника по своей природе. Дамьен Занон считает, что метафора «птица, воплощенная в человеке, – это художник» имеет основания в личной мифологии писательницы, поскольку ее дед по материнской линии был продавцом птиц. И не случайно она изображает свою мать всегда в окружении птиц, напевающей мелодии, которые так ценили романтики. В изображении Ж. Санд именно от народа, от матери, которая слыла недостойной, исходит этот «драгоценный фермент» – артистизм [17, с. 35].

Таким образом, «История моей жизни» – это история артистки. Истоки художественной природы Авроры лежат в раннем развитии чувственного восприятия ребенка. В автобиографии первые сенсорные ощущения девочки описываются с тщательностью и большим вниманием как дань верности себе, миру детства и искусства. Литература также очень рано входит в жизнь Авроры, прежде всего через устную традицию: молитвы, детские считалки, песни, сказки. И очень скоро удовольствие от услышанного или прочитанного уступает место потребности самой продуцировать рассказ. Героиня подражает сказкам, которые оставили след в романном языке будущего автора. Немного позже, когда девочка еще не освоила алфавит, она создала особую систему знаков, чтобы писать. Позже, в двенадцать лет, она пробует себя в первых произведениях, а в монастыре с успехом выступает как драматург-импровизатор. Единство эстетического и этического становится главным лейтмотивом и искомым идеалом всех поисков Ж. Санд как «артистки», жизнь которой она излагает в своей «Истории». Она придавала большую важность изображению личностей других художников, своих современников, потому что их идеальные портреты зеркально дополняли ее собственный, расширяя его до масштабов полной идентичности *артистки*, художницы.

Наконец, жизнь *артистки* представляется взгляду читателей в разных аспектах. Это оригинальная и особенная жизнь; вместе с тем это жизнь, наполненная трудом, причем не только связанным с созданием литературной продукции, но и работой над собой, своим самосовершенствованием и развитием. Жизнь *артистки*, которую разворачивает Жорж Санд перед читателем, демонстрирует множественность ее «я», а также множество «непоследовательностей» в ее течении. Однако вместе с тем в ней отчетливо вырисовывается и другая тенденция, доминирующая особенно в последней части мемуаров: овладение собой, выстраивание своего я *артистки*, создание себя. Окружая себя фигурами других художников, которые тоже

сами создали себя, Санд словно приглашает читателей последовать этому примеру, выстраивая свою жизнь творчески и постоянно заботясь о саморазвитии.

Автор-женщина завершает свою автобиографию в возрасте пятидесяти с небольшим лет. Логическим финалом завершенности и целостности повествования для нее самой является формирование ее личности, осознание себя художником. Последняя глава заканчивается размышлением о величии настоящего времени, XIX в., и ответственности каждого за будущее. Таким образом, свою жизнь она вписывает в контекст жизни общественной. Невольно вспоминаются великие мемуары А. И. Герцена и возникает вопрос, не явилась ли «История жизни» Ж. Санд, творчество которой

Герцен хорошо знал и высоко ценил, тем образцом, который вдохновил его на создание «Былого и дум». Однако восприятие творчества Ж. Санд в России требует отдельного рассмотрения.

«История моей жизни» Жорж Санд представляет собой сложное по содержанию и форме мону-ментальное произведение, которое зарубежные исследователи называют «сандовской сагой». Санд написала в своем роде уникальное произведение мемуарного жанра с женской фигурой в центре, которая соединила в себе как представительница своего рода два века французской истории, объединила в своем восприятии аристократию и народ и одинаково глубоко запечатлела артистическую, интеллектуальную, политическую жизнь своей эпохи.

Список литературы

1. Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века (мифы и реальность). 1830–1860 гг. Томск, 1998. 410 с.
2. Sand George. Correspondance. 1812–1876. Vol. 1–25 accompagnés d'un volume d'Index. Paris: Éditions Classiques Garnier, 1964–1991.
3. Chastagnaret Y. L'Image du père dans l'Histoire de ma vie: contribution à l'étude de la formation du sentiment républicain chez George Sand // Lire Histoire de ma vie de George Sand. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise Pascal, 2006. P. 113–125.
4. Tocqueville A. de. Souvenirs. Paris: Gallimard, 1978. P. 211.
5. Sand George. Histoire de ma vie // Sand George. Œuvres autobiographiques. Texte établi, présenté et annoté par Georges Lubin. T. I. Paris: Gallimard, 1970. 1453 p.
6. Lubin G. Introduction à l'Histoire de ma vie // Sand George. Œuvres autobiographiques. T. I. P. XIII–XXVIII.
7. Barry J. Gorge Sand ou le Scandale de la liberté. Paris, 1982.
8. Diaz J.-L. La vie comme œuvre // Lire Histoire de ma vie de George Sand. P. 363–381.
9. Czabo A. Histoire de ma vie ou ce que silence veut dire // Lire Histoire de ma vie de George Sand. P. 77–92.
10. Planté Ch. Histoire de ma vie de George Sand: histoire d'une romancière ou autobiographie de tout le monde? // Revue des lettres et de la traduction. Liban, 2001. № 7. P. 293–311.
11. Bénichou P. Le Sacre de l'écrivain. 1750–1830. Essai sur l'avènement d'un pouvoir spirituel laïque dans la France moderne. Paris: Gallimard, 1996. 492 p.
12. Pomartin A. de. Nouvelles causeries littéraires. Paris: Michel-Lévy frères, 1855. 392 p.
13. Taine H. Derniers essais de critique et d'histoire. Paris: Hachette, 1894. 263 p.
14. Correspondance entre George Sand et Gustave Flauvert. Paris: C. Lévy, 1904. 411 p.
15. Diaz J.-L. Devenir soi. La construction de l'identité adolescente selon Histoire de ma vie // Lire Histoire de ma vie de George Sand. P. 225–239. Перевод мой. – О.К.
16. Sand George. Histoire de ma vie // Sand George. Œuvres autobiographiques. Texte établi, présenté et annoté par Georges Lubin. T. II. Paris: Gallimard, 1971. P. 3–461.
17. Zanone D. Présentation//Sand G. Histoire de ma vie. Paris: Flammarion, 2001. T. I. P. 7–36.

Кафанова Ольга Бодовна, доктор филологических наук, профессор, Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (ул. Двинская, 5/7, Санкт-Петербург, 198035). E-mail: olg_kaf@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25.05.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-143-152

“THE STORY OF MY LIFE” GEORGE SAND: GENRE SPECIFICITY AND POETICS

O. B. Kafanova

Admiral S. O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russian Federation

The genre specificity and poetics of George Sand's monumental autobiography has never been in the focus of Russian scholarly attention. This paper focuses on the history of creation and publication of the work (1847–1855).

The author describes the poetics of the French writer's narrative, employing oratory techniques and amplification, which greatly contributes to its perception. A particular attention is paid to the specificity of female memoirs, which consistently describes the development of the main character in childhood, adolescence, youth and maturity. The paper analyses the original composition of the narrative, in which almost a quarter is devoted to ancestors and parents, with whom George Sand's character is genetically connected. On the one hand, the heroine of the memoirs is a representative of her generation, with whom she is connected by ties of solidarity. On the other hand, she is a child of the revolutionary era, when a marriage between an aristocrat and a commoner could take place. The author studies the history of the inner life, the "life of the soul" of the main character, which consists in the process of looking for the truth in all spheres of life: true friendship, love, religious and political ideas, moral and aesthetic values, and the meaning of life in general. Finally, the heroine finds her "self" in her literary work.

Key words: *autobiography, female memoirs, autobiography of generation, idea of solidarity, public speaking techniques, artist.*

References

1. Kafanova O. B. *George Sand i russkaya literature XIX veka (Mify i real'nost'). 1830–1860 gody* [George Sand and Russian literature of the XIX century (Myths and reality). 1830–1860]. Tomsk, TSPU Publ., 1998, 410 p. (in Russian).
2. Sand G. *Correspondance. 1812–1876. Vol. 1–25 accompagnés d'un volume d'Index*. Paris: Éditions Classiques Garnier, 1964–1991.
3. Chastagnaret Y. L'Image du père dans l'Histoire de ma vie: contribution à l'étude de la formation du sentiment républicain chez George Sand. *Lire Histoire de ma vie de George Sand*. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise Pascal, 2006, pp. 113–125.
4. Tocqueville A., de. *Souvenirs*. Paris: Gallimard, 1978, p. 211.
5. Sand G. Histoire de ma vie. Sand George. *Œuvres autobiographiques*. Texte établi, présenté et annoté par Georges Lubin. T. I. Paris: Gallimard, 1970, 1453 p.
6. Lubin G. Introduction à l'Histoire de ma vie. Sand George. *Œuvres autobiographiques*. T. I, pp. XIII–XXVIII.
7. Barry J. *Gorge Sand ou le Scandale de la liberté*. Paris, 1982.
8. Diaz J.-L. La vie comme œuvre. *Lire Histoire de ma vie de George Sand*, pp. 363–381.
9. Czabo A. Histoire de ma vie ou ce que silence veut dire. *Lire Histoire de ma vie de George Sand*, pp. 77–92.
10. Planté Ch. Histoire de ma vie de George Sand: histoire d'une romancière ou autobiographie de tout le monde? *Revue des lettres et de la traduction*. Liban, 2001. No. 7. Pp. 293–311.
11. Bénichou P. *Le Sacre de l'écrivain. 1750–1830. Essai sur l'avènement d'un pouvoir spirituel laïque dans la France moderne*. Paris, Gallimard, 1996. 492 p.
12. Pomartin A. de. *Nouvelles causeries littéraires*. Paris, Michel-Lévy frères, 1855. 392 p.
13. Taine H. *Derniers essais de critique et d'histoire*. Paris, Hachette, 1894. 263 p.
14. *Correspondance entre George Sand et Gustave Flauvert*. Paris, C. Lévy, 1904. 411 p.
15. Diaz J.-L. Devenir soi. La construction de l'identité adolescente selon Histoire de ma vie. *Lire Histoire de ma vie de George Sand*, pp. 225–239.
16. Sand George. Histoire de ma vie. Sand George. *Œuvres autobiographiques*. Texte établi, présenté et annoté par Georges Lubin. T. II. Paris, Gallimard, 1971. Pp. 3–461.
17. Zanone D. Présentation. *Sand G. Histoire de ma vie*. Paris, Flammarion, 2001. T. I. Pp. 7–36.

Kafanova O. B., Admiral S. O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (ul. Dvinskaya, 5/7, Saint-Petersburg, Russian Federation, 198035). E-mail: olg_kaf@mail.ru